

Межрегиональный фонд имени М.А.Шолохова и шолоховская группа Института мировой литературы имени А.М.Горького в эти февральские дни провели «круглый стол», посвященный памяти М.А.Шолохова.

Тема: МИХАИЛ ШОЛОХОВ — ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ XX ВЕКА.

В работе «круглого стола» приняли участие М.Н.Алексеев, М.П.Лобанов, Ф.Г.Бирюков, В.В.Кожин, С.Н.Семанов, В.В.Васильев, В.Г.Левченко, М.М.Шолохов, Е.П.Рымко, М.А.Айвазян, О.Н.Михайлов, П.Л.Проскурин, Л.Е.Колодный. Председательствовал президент Фонда имени М.А.Шолохова доктор филологических наук В.В.Петелин.

Публикуем некоторые выступления (иные — фрагментарно) участников «круглого стола».

В.В.ПЕТЕЛИН

Когда Шолохов умер, мир стал на голову ниже в своем духовном росте, опустилась нравственная планка, словно перестал действовать тот совестный суд, который всегда живет в сердце русского писателя. Пожалуй, точнее других это душевное состояние выразил Владимир Чивилихин в 1967 году в письме в Вешенскую — после того, как в издательстве «Советская Россия» была отпечатана его книга «Земля в беде», но весь тираж был «изрубен в лапшу». Никто не заступился, никто не одернул всеильную цензуру... Оставалась одна высшая инстанция — Шолохов... И Чивилихин написал: «Иногда мысли заедают и жить не дают, думаешь — не сесть ли на самолет и не слетать ли к Шолохову, посоветоваться...».

Вот это желание — посоветоваться — возникло и у меня сорок лет тому назад после того, как Ученый совет филфака МГУ утвердил тему моей кандидатской диссертации, и я окунулся в море литературы о Шолохове и его произведениях... И прежде всего меня поразило громаднейшее отличие героев Шолохова от того, что о них писали маститые критики и ученые; особенно Григорий Мелехов никак не укладывался в те рамки, которые уготовили ему эти критики и ученые, все как один — узнал я впоследствии — находившиеся в плену вулгарного социологизма... «Наверное, Шолохов не знает о той ерунде, которую о нем пишут», — подумал я. И написал многостраничное письмо с критикой прочитанных о Шолохове сочинений. Со всем пылом юности доказывал, что Шолохов не осуждает, а любит казачество, что «Тихий Дон» — это не «торжество голытьбы и большевиков», а гневный протест против расказачивания, в сущности «реквием» — не помню, кто первый это сказал, — по всему русскому казачеству, работающему крестьянству, по всей дореволюционной России. И Григорий Мелехов — любимый герой писателя, воплощающий лучшие черты русского национального характера, а донское казачество — часть, может быть, лучшая, русского народа...

Написал письмо и стал ждать ответа, конечно, ответа-одобрения... Две недели в Вешенскую, две — обратно, так я решил, но проходит месяц, другой, а ответа нет... Ну, думаю, придется «ловить» Михаила Александровича в Москве. Лишь после выступления на II съезде советских писателей он, побежденный нашим настойчивым желанием повидаться с ним, пригласил нас, меня и моего друга Славу Петрова... Об этой встрече я писал в своих книгах. Здесь лишь повторю, что был переполнен критическим пафосом и, улучив момент, спросил его об отношении к тому, что пишут о нем критики и ученые.

— А зачем вам критикой-то заниматься? — как бы вслух размышлял Шолохов, отвечая на мой вопрос. — Вы еще молодые, попробуйте написать о чем-нибудь близком и дорогом, об отце, о матери. Возьмите и напишите о студентах и преподавателях университета. Как видите вам жизнь, так и пишите, отбор жизненных явлений сам собой произойдет. Вот Виталий Закруткин. Начал он как ученый, тоже в аспирантуре учился, преподавал в Ростовском университете, а сейчас написал хорошую книгу. Это полезнее, чем критикой заниматься...

Вскоре после этой встречи, летом 1956 года, я написал кандидатскую диссертацию, частично опубликовал в журнале «Филологические науки», напечатал еще несколько статей, и лишь в 1965 году появилась моя книга «Гуманизм Шолохова», после выхода которой началась многолетняя дискуссия с Л.Якименко, В.Гурой, И.Лежневым и другими литературоведами...

Но не буду растекаться мыслью по древу, законы нашего «круглого стола» диктуют мне переходить к сути нашего обсуждения.

А суть в том, что в 1974 году в Париже вышла книга Д. «Стремя «Тихого Дона»

с предисловием Александра Солженицына, в которой Шолохов — в какой уж раз! — обвинялся в использовании чужого сверхталантливое произведения. Солженицын вспоминает, как еще 12-летним мальчиком он в Ростове слышал, что Шолохов «нашел готовую рукопись... убитого казачьего офицера и использовал» в своем «Тихом Доне». Более того, он обвиняет и Александра Серафимовича в том, что тот, дескать, знал истинную правду, знал творческую историю «Тихого Дона», но из патристических соображений скрыл ее, унес с собой смертельный «грех» неправды. «Впрочем, и по сегодня, — утверждает Солженицын, — живы современники тех лет, уверенные, что не Шолохов написал эту книгу. Но, скованные всеобщим страхом перед могучим человеком и его мстостью, они не выскажутся до смерти».

От этого «заговора против Шолохова» невозможно отмахнуться как от какой-то мелкой чепухи. Эта чепуха превратилась в серьезную болезнь общества, потому

главное, чем занята группа, как раз и состоит в подготовке академического издания «Тихого Дона». Работа незаметная, кропотливая, требует максимальной ответственности. И к 90-летию М.А.Шолохова мы постараемся серьезно продвинуться в осуществлении поставленной цели.

М.Н.АЛЕКСЕЕВ

Десять лет как ушел от нас великан русской литературы Михаил Александрович Шолохов. Он ушел, а отравленные стрелы лютой ненависти продолжают лететь в него, выпускаемые из лука людьми, чьи ничтожные имена, может, и запомнятся только потому, что они и при жизни и после смерти наших национальных гениев травили их, набрасываясь то

сверху, было хорошо видно, как по заснеженной степи от всех станиц и хуторов бесконечными лентами вытянулись колонны людей, которые шли прощаться с родным Михаилом Александровичем.

Солдаты, несколько великанского роста молодых парней, раскрасневшись, обливаясь потом, заканчивали рыть могилу между четырех берез, посаженных самим Шолоховым (он сам указал место для своей могилы). Могила эта удивила всех: так она была глубока. Выяснилось, что солдатам хотелось во что бы то ни стало докопаться до песка. Не хотелось им опускать гроб на глину. И только, когда появился белый, как сахар, песок, солдаты остановили работу. Думалось им, что теперь-то гроб подольше сохранится: песок — не глина...

ШОЛОХОВ И

в одиночку, то, чаще всего, целую сворой; в отличие от Дантеса эти, нынешние гонители, хорошо знают, на что подымают свою липкую грязную руку.

Оскорбления следуют за оскорблениями.

Годы невыносимых страданий.

И — смерть...

Я узнал о ней, когда в Центральном Доме литераторов проходил очередной

А мне хотелось узнать, что сказал Шолохов в самый последний миг. И после того, как могила была засыпана, когда она покрылась сначала белой шапкой сохраненного для этой цели песка, а потом венками из живых цветов, после того, как мы оказались за поминальным столом, старшая дочь писателя, Светлана Михайловна, дежурившая круглые сутки у изголовья умирающего, рассказывала...

Лежал Михаил Александрович на супружеской кровати. Жену, Марию Петровну, попросил, чтобы и она была рядом с ним. В последнюю минуту, где-то, кажется, за полночь, Шолохов вдруг тихо заговорил, обращаясь к Светлане: — Потерпи еще немного, доченька. Я сейчас помру... Я сейчас...

Отыскал руку жены, поцеловал, резко отвернулся. И это было все. С этим жестом последним и был его последний вздох.

Умер в полном сознании. Болезнь иссушила его до крайности. Сказывали, что он весил уже не более сорока килограммов.

Лежал в гробу маленький, иссохшийся. Только высокий лоб и беркутиный нос были прежними, да еще вздувшиеся как бы в последнем напряжении какой-то трудной мысли вены отчетливо были видны на этом лбу.

Ох, как же не хватает его нам сейчас, когда все рушится, когда все взбудоражено и поднято на дыбки, как не хватает его орлиного взора и бесстрашия, его мудрого слова.

Е.П.РЫМКО, советник-посланник МИДа

В сборнике выступлений Михаила Шолохова «Россия в сердце» («Современник», М., 1975) и в книге Константина Приймы «Тихий Дон» сражается («Советская Россия», М., 1975) опубликован текст обращения М.Шолохова к шведским читателям. Это обращение было написано 2 июля 1957 года в Стокгольме по просьбе шведского издательства «Тиден» и помещено как предисловие к очередному шведскому изданию «Тихого Дона» (1957). Читая эти публикации, нельзя не обнаружить, что тексты обращения Шолохова в сборнике (стр. 64) и в книге К.Приймы (стр. 329) не идентичны (!). Более того, ясно, что некоторые фразы не могли выйти из-под пера классика. Например: «Как взрослый человек, гостящий в Швеции, я всегда оставался влюбленным в эту природу, эту траву и в Ваш усердный народ» (сборник) — или: «...я всегда оставался влюбленным в вашу суровую природу, в вашу флору, в ваш храбрый и трудолюбивый народ» (К.Прийма).

Объяснение этой «разногласии» есть только одно — и составители сборника, и К.Прийма не располагали подлинником предисловия М.Шолохова и поэтому воспользовались его переводом со шведского языка. В результате получился двойной перевод (с русского на шведский и со шведского на русский), а отсюда — неточности и искажения.

В 1957 году, работая в Стокгольме в качестве пресс-атташе нашего посольства, я оказывал М.А.Шолохову некоторую помощь в поддержании контактов со шведами, в том числе с руководством издательства «Тиден». По поручению писателя я передавал в издательство русский текст предисловия. Пользуясь

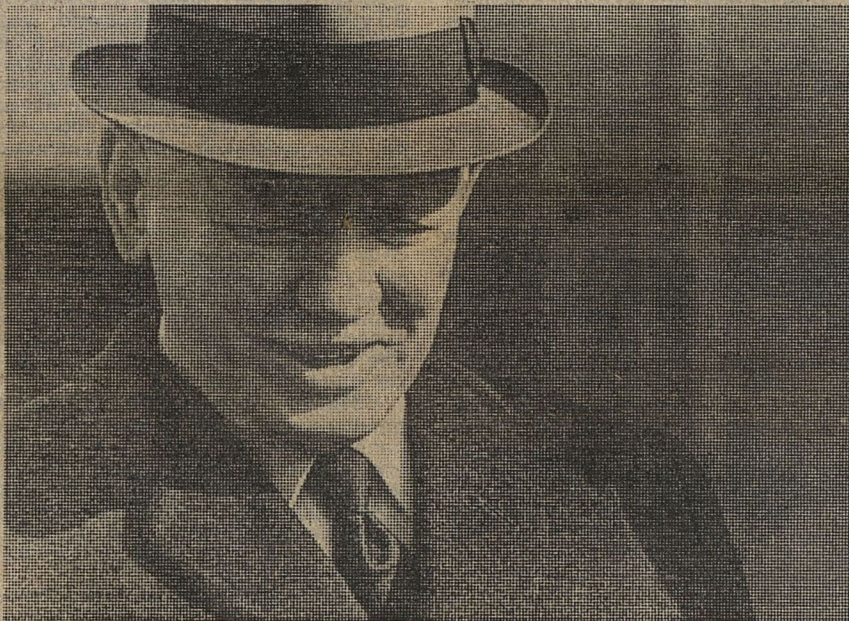

Фото А. ГОСТЕВА

что стоит заговорить о Шолохове, как тут же возникает вопрос: «Так кто же написал «Тихий Дон» — Шолохов или Крюков?». Этот вопрос задавал мне совсем недавно и один из космонавтов, доктор наук, крупный общественный деятель, спрашивали об этом же и студенты, и преподаватели университета в городе Элисте...

Вопрос вроде прояснился давным-давно, вроде бы рухнули все «опоры» концепции Солженицына и его сподвижников, но средства массовой информации снова и снова возбуждают интерес к этой «пикантной проблеме». То появляется статья в «Огоньке», то в «Новом мире», высказается еще где-нибудь какое-то сомнение, и получается, что нет ни одного факта, но имеются сомнения... Уж даже «Известия» в статье «Тихий Дон» из спецхрана» (17 ноября 1993 г.) и то констатируют: «развешена еще одна литературная мистификация», — а профессионалы-критики и просто читатели все еще спорят... Да, средства массовой информации основательно поработали, чтобы широко оповестить о нелепых выводах ненавистников, а скорее — завистников Шолохова.

И надо сознаться, что есть в этом и наша вина. Правильно писали «Вопросы литературы», открывая дискуссию по этим проблемам: прошло много лет со дня публикации «Тихого Дона», а до сих пор «еще нет ни академического издания этой эпопеи, ни подробной, документированной биографии М.Шолохова», — и никакие отговорки не могут оправдать подобного бездействия. Много лет в ИМЛИ существует шолоховская группа... Уже сейчас можно отметить ряд интересных публикаций Владимира Васильева, Сергея Семанова, Виктора Левченко, Федора Бирюкова... Но

писательский пленум. В вестибюле толпились наш пишущий брат. Вечная спутница всех литературных радостей и скорбей Нинель Шахова в лихорадочной спешке выискивала того, кому бы подсунуть микрофон, чтобы как-то в программе «Время» люди услышали из уст литератора о трагической новости. Почему-то подлетела ко мне. А вокруг шум, гвалт (продолжался перерыв), писатели — народ говорливый, а тут еще такая страшная весть. Что сказать? Как собраться с мыслями? Да и что тут скажешь, когда дыхание перехватило. Мне-то казалось, что я и не говорил вовсе, а только думал, но оказалось — вслух: «Если, — говорил я, — можно одному человеку осиротеть дважды, так это случилось со мной. Первый раз — в 33-м году, когда умерли с голоду отец и мать. И вот теперь, когда умер Он. Да что там я? Осиротела вся наша литература...».

А сами похороны были более чем странные. Десятки зарубежных писателей рвались в Вешенскую — их не пустили. Сотни наших соотечественников-литераторов хотели бы попрощаться с великим станинником — не пустили. Десятки москвичей во главе с М.Зиминным — вот и все. Все было как-то скомкано, все торопливо как-то.

Весна была где-то уже недалеко, а над Доном стоял лютый мороз, да еще с пронизывающими ветрами. Руки сами тянулись, чтобы надеть шапку в похоронной процессии, но бородастые старики-казаки шли с обнаженными головами, и ты, устыдившись, комкал шапку в руке, не смея поднять ее. На всех деревьях, мимо которых медленно двигался броневилок с гробом покойного, точно весенние грачи, торчали ребятишки — им и ветер нипочем: они прощались со своим великим земляком. Им оттуда,

случае, передаю копию этого текста в архив ИМЛИ. Думаю, что, ознакомившись с ним, и специалисты, и просто читатели смогут легко убедиться, что это действительно рука Шолохова. Хочется, пусть с запозданием, исправить ошибку, чтобы она больше не тиражировалась.

Шведским читателям

Еще в давние гимназические годы, будучи подростком, я мечтал побывать в Скандинавии. Меня не прельщали тропические страны, как многих моих сверстников, меня влекло на север. Очевидно, это было потому, что еще тогда я, читая, полюбил книги Лагерлеф, Стриндберга, Гамсуна, а через посредство их — и Скандинавию.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Уже зрелым мужчиной я побывал в Швеции и был очарован ее природой и мужественным, красивым и по-умному трудолюбивым народом. Эти чувства я снова испытал, как бы обновив, вторично побывав в вашей прекрасной стране в этом году. Пожалуй, на весь остаток жизни у меня сохранятся в памяти эти милые сердцу воспоминания.

Покидая вашу страну, я испытываю легкое чувство грусти, всегда сопутствующее человеку, когда он расстается с чем-то дорогим его душе. Но одновременно я ощущаю и радость: в ваших руках останутся мои книги, повествующие о далеких для вас людях России, которые так же страдают, так же любят, так же ненавидят, и каждый из них так же несчастлив или счастлив, как и люди вашей страны.

Кусочек моего сердца, моих раздумий, моего труда остается в ваших руках, и это смягчает горечь разлуки с прекрасной Швецией и ее великолепным народом. Желаю вам мира и счастья!

Ваш М.ШОЛОХОВ

Стокгольм.
2.7.57 г.

М.П.ЛОБАНОВ

Вспоминаю то потрясающее впечатление, которое испытал, прочитав впервые, в студенческие годы, вскоре после войны «Тихий Дон». Поражала мысль, что такой великий художник живет в наше время. Впоследствии я не раз думал, как отзовется в нас, каким ощущением глубоко личной утраты — уход Шолохова. Но вот не стало писателя, и «ничего не произошло». Как «подешевел человек в революцию, в гражданскую войну», по словам старого казака из «Тихого Дона», так «подешевел» талант, гений в новую революцию под видом «перестройки», «реформ». Все десять лет после смерти писателя — это непрекращающаяся травля его как автора «Тихого Дона» (вроде развязанного «следствия по делу» авторства романа в недавних номерах «Нового мира»). Все эти десять лет — размывание, истребление того коллективного, соборного качества народной жизни, которое и составляло ее традиционную особенность и которое так органично выразилось в художественном мире писателя (как будто и не было Мелеховых, их смертных мук... Одна осатанелость новоявленных грабителей России).

«Спутали нас ученые люди», — говорит Григорий Мелехов, мучительно ищущий (да не отвлеченно, а с оружием в руках!) правду жизни. Спутали не одного Григория с его «простым, бесхитростным умом», а миллионы, десятки миллионов людей, поэтому и разделили народ на «красных» и «белых», поэтому и стала возможна чудовищная братоубийственная гражданская война.

Исследователь творчества Шолохова В.В.Петелин еще много лет назад писал о подлинно народном характере Григория, его обобщающем значении. В самом деле, это — середина, сердцевина народного характера, без радикальных революционных крайностей. Его однохуторянин, друг детства (а затем непримиримый классовый враг) Мишка Кошевой отделяет себя от народа, клеймя его: «Сука народ! Хуже! Кровью весь изойдет, тогда поймет, за что его по голове гвоздят!». Подобные слова немилосердно услышать от Мелехова, он сам из тех, кого «по голове гвоздят», хотя по силе характера, глубине интуиции, по

природным способностям (не говоря уже о чести) он недостижим для таких, как Кошевой. Оба они борются, но с разными целями. Кошевой — чтобы уничтожить всех «классовых врагов», в том числе и в народе (следуя при этом за своим учителем: «Мишка часто хватался за рукав штормановской шинели, будто опасаясь, что вот оторвется Штокман и скроется из глаз или растает призраком»). Мелехов — как труженик, которому обрывается война, жестокость, ненависть, который жаждет как бы вернуться к хозяйству, зажить мирной, семейной, трудовой жизнью.

Возмущаясь, что среди расстрелянных хуторян не оказался Мелехов, Штокман изрекает: «Именно его надо бы взять в дело! Он опаснее остальных, вместе взятых». Опасность, разумеется,

рай глупостей только потому, что их до тебя тысячу раз повторяли. Рукописи, если и нужны кому, так только критикам да литературоведам, чтобы на них свои вымыслы и домыслы строить. Да спорить потом друг с другом, чем домысел превосходнее вымысла и почему именно вымысел одного правильнее домысла другого. Но их-то понять можно, и Бог им судья. В спорах ведь рождаются... деньги. А что касается писателей, то кому нравится, чтобы за них домысливали?... А кому нравится, те пусть и оставляют свои рукописи».

Я это вспомнил, чтобы охарактеризовать отношение отца к своим рукописям, — думаю, если бы такие предложения и были, отец вряд ли на них согласился бы.

В.В.КОЖИНОВ

С большим интересом я прослушал все выступления, но, мне кажется, сейчас важнее всего — это заново прочитать «Тихий Дон». Поделюсь своими соображениями... Решусь сразу же сказать о наиболее важном: любовь, ставшая стержневым действием «Тихого Дона», не является неким развешивающимся в сфере «частной», «личной» жизни «фоном» Революции, и, в свою очередь, Революция не может быть понята как «фон» этой любви. Ибо любовь Григория и Аксиньи и есть, если угодно, Революция, одно из ее воплощений, а в самом художественном мире «Тихого Дона» — даже безусловно главнейшее, основополагающее ее воплощение.

Стихия жизни, созданная в «Тихом Доне», испытывает перелом, переворот именно с начала этой любви, когда она разразилась (этот резкий глагол тут вполне уместен). Вот фрагмент из переломного звена повествования:

«Так необычайно и явна была сумасшедшая их связь, так истолпленно горели они одним бесстыдным полымем, людей не совестились и не таясь, худея и чернея в лицах на глазах у соседей, что теперь на них при встрече почему-то люди стыдились смотреть».

То есть эта любовь изменяет, преобразует не только Григория и Аксинью, но и всю соприкасающуюся с ними жизнь. До этого момента жизнь в мире «Тихого Дона» течет размеренно, в какой-то степени даже патриархально-идиллически, а далее — жизнь уже совсем иная, полная изломов и роковых столкновений.

В отлаженное за долгую историю бытие казачьей общины или, уместно даже будет сказать, огромной семьи тихого Дона (как его называли издавна), вторгается нечто разрушающее все устои и каноны.

Кстати сказать, при появлении шолоховского повествования «преступная» любовь Григория и Аксиньи воспринималась и критиками, и читателями (или хотя бы их частью) в безусловно и сугубо положительном духе: да, мол, превосходно, что рушится эта косная, основанная на господстве обветшалых религиозно-этических догм жизнь тихого Дона — в том числе и то, что называли «дееспотизмом семьи».

Сегодня, после прямо-таки глобального пересмотра оценки Революции подобное безоговорочное одобрение едва ли возможно. И тем не менее образы Григория и Аксиньи, их трагедийная любовь воспринимаются и ныне с самым глубоким сочувствием. Нередко при этом пытаются как-то отделить их от Революции и, в частности, видеть в них только ее жертвы. Но реальное содержание «Тихого Дона» решительно противоречит таким попыткам.

Не приходится уже говорить о Григории Мелехове, который действительно становится «жертвой» лишь в конце повествования. Выразительная сцена (в конце «Книги третьей») его спора с дедом его жены Натальей — Гришакой. Мелехов в это время — один из вожakov мощного казачьего восстания, и девятиностолетний Гришака, проводящий дни за чтением Святого Писания, проклинает его: «Людей на смерть водишь, супротив власти поднял, грех великий приимаешь!.. Все одно вас изничтожат, а заодно и нас. Бог — он вам свою стезю укажет».

Вскоре Григорий, словно бы исполняя заветы деда Гришаки, идет сдаваться новой власти, добровольно и окончательно превращая себя в жертву. Но это вовсе не отменяет, не перечеркивает его предшествующую судьбу, это всего лишь конец ее.

Нет никаких оснований видеть только жертву и в Аксинье. Сквозь все повествование проходит настойчивый мотив: «...в первый раз заметил Григорий, что губы у нее бесстыдно-жадные...», «жадные губы ее беспокойно и вызывающе смеялись», «бесстыдно-завывно глядела» и т.д. «Какая порочная красота!» — вырывается при взгляде на Аксинью у одной из «интеллигентных» героинь «Тихого Дона». Сохранившие нравственные устои казаки согласно называют Аксинью «змеей», «гадюкой»...

Но почему же мы все-таки неоспоримо сочувствуем и сострадаем Григорию и Аксинье и, более того, любимому, восхищаемся ими? Великая правда «Тихого Дона», роднящая его с гомеровскими и шекспировскими творениями, заключается в том, что в его героях, если мерить их вековыми, или, вернее, «вечными» понятиями, постоянно и поистине смертельно борются Божеское и сатанинское... И именно потому они (хотя это и может на первый взгляд показаться ложным, даже нелепым утверждением) прекрасны. Достоевский вложил в уста одного из своих любимых героев, Мити Карамазова, проникновенные слова: «...красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей».

«Тихий Дон» чаще всего пытались истолковать как воссоздание смертельной битвы красных и белых, — притом толкования получались разные: согласно одним вся «правда» на стороне красных, согласно другим — белых. Последнее характерно для зарубежных толкователей, но во время появления «Тихого Дона» его автора обвиняли в «белогвардейщине» и в СССР.

Однако все подобные споры имеют заведомо поверхностный характер. Истинный смысл «Тихого Дона» (в отличие от множества повествований о Революции) пребывает глубже борьбы красных и белых: «Бог с дьяволом борется» в сердцах и тех и других — и в равной мере.

Извечная «битва дьявола с богом» крайне разрастается и обостряется во время Революции, представляющей собой как бы обнажение этой трагедийной основы человеческого бытия. И «Тихий Дон», мощно воплотивший эту суть Революции, дает нам возможность глубоко и полно воспринять истинный смысл совершившегося.

В «Тихом Доне» без каких-либо прикрас предстает безмерно жестокий, поистине чудовищный лик Революции. Непросто понять, что те книги — а их в последние годы издано и переиздано много, — в которых, так сказать, специально поставлена задача разоблачить звериную беспощадность революционного террора, в сущности, менее «страшны», нежели шолоховское повествование. Ибо в них жестоко предстает все же как нечто «противоестественное» и исключительное, как плоды поведения некоторых нелюдей, между тем в «Тихом Доне» она воссоздана в качестве, если угодно, «обычной», естественной реальности человеческой жизни в революционную эпоху.

Но совершающие страшные деяния герои «Тихого Дона» в конечном счете остаются людьми в полном смысле этого слова.

М.А.АЙВАЗЯН

Сегодня ни один из известных архивов не имеет какого-либо серьезного собрания и рукописей и документов М.А.Шолохова. Пока не поздно, необходимо провести широкую археографическую экспедицию по разысканию, описанию и учету всего написанного великим русским писателем XX века. Это и собрание, хранящееся в доме-музее в станице Вешенской; конечно, надо учесть и всю многочисленную переписку, его выступления в Союзе писателей, записки к редакторам журналов и газет и издателям. Я считаю, что в рамках академической программы по формированию фондов русской культуры XX века необходимо составить археографическую карту хранящихся в личном владении и в государственных хранилищах рукописных материалов М.А.Шолохова.

Вот какие первоочередные задачи мог бы поставить перед собой Межрегиональный фонд имени М.А.Шолохова, прежде чем приступить к созданию академического собрания сочинений.